

Приложение III

НАЗНАЧЕНИЕ М. И. КУТУЗОВА ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИМ РУССКОЙ АРМИЕЙ

Публикуется по: Генерал-майор М. Богданович. История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. СПб., 1859. С. 1–18, 111–138. Нами сняты все ссылки на авторские комментарии и документальные приложения, за исключением особо оговоренных случаев.

ГЛАВА XV

Назначение Кутузова Главнокомандующим

По отступлении наших Западных армий от Смоленска к Дорогобужу положение дел, в военном отношении, было для нас несравненно выгоднее, нежели при открытии кампании. Западные армии, разобщенные между собою вторжением неприятеля в наши пределы, успели соединиться и приняли сражения при Смоленске и при Валутиной горе, в которых была достигнута нами важнейшая цель оборонительной войны — ослабление противника. Урон, понесенный русскими войсками, был значителен, но в полтора раза менее потерь неприятеля, отдалившегося от источников своих средств и не имевшего возможности получать подкрепления в такой мере, в какой прибывали они в нашу армию.

При переходе Наполеоновых армий чрез границы России число войск его превосходило силу выставленных против него ар-

мий более нежели вдвое, а после Валутинского сражения — только в полтора раза. Действия на флангах главного театра войны принесли нам несомненные выгоды и обещали еще выгоднейшие последствия: на Двине, корпус графа Витгенштейна удерживал с постоянным успехом превосходного в числе неприятеля, а прибытие наших подкреплений должно было вскоре дать нам средства к возобновлению наступательных действий. На Волыни, Тормасов был принужден отступить за Стырь, но уже двигалась ему в помощь Дунайская армия, с прибытием которой перевес в силах переходил на нашу сторону.

Положение русских войск, в отношении к снабжению их продовольствием, представляло некоторые затруднения, происходившие от необходимости отступать далее, нежели предполагалось в начале войны, последствиями того были: потеря некоторых магазинов, устроенных нами в пограничных губерниях, и неимение в достаточном количестве складов на пути отступления от Смоленска к Москве.

Но все нами встреченные затруднения, по части снабжения войск съестными запасами, ничего не значили в сравнении с теми, которые испытала неприятельская армия с первого шага ее в наши пределы. Из перехваченных у французов официальных бумаг видно, что в то время еще, когда главная квартира Наполеонова находилась в Вильне, его гвардия (на сохранение которой обращено было особенное внимание интендантской части) получала дачу провианта в недостаточном количестве и предавалась бродяжничеству и мародерству.

В приказе, отданном 18-го (30) июня, было поставлено на вид войскам, «чтобы они сберегали свой хлеб, потому что, по всей вероятности, они завтра не получают его». Приказом от 25-го июня (7 июля) велено «зарыть всех павших лошадей, валяющихся в соседстве квартирных мест войска». Приказом от 27-го июня (9 июля) определена в походе из Вильны к Глубокому следующая суточная дача: менее фунта (12 onces) хлеба, около пятнадцати золотников (2 onces) риса, $1 \frac{1}{5}$ фунта (une livre) мяса, а в последние двое суток марша положено давать, вместо хлеба, по $\frac{2}{3}$ фунта (9 onces) сухарей. Так как сия дача очевидно была недостаточна, то частные начальники войск получили приказание, поверять чрез каждые четыре дни наличное количество хлеба, сухарей и риса, выданных солдатам при выступлении их из Вильны.

Чем более углублялась неприятельская армия внутрь России, тем более увеличивались лишения, и вместе с ними грабежи и

всевозможные беспорядки. Таково было положение всех войск, находившихся в составе «Большой армии» и под начальством Сен-Сира. Напротив того — австрийские и саксонские войска, расположенные в изобильной стране и остававшиеся продолжительное время на одних и тех же местах, потерпели несравненно меньший урон и находились в совершенном устройстве.

Войска обеих Западных армий, совершая усиленные переходы от границ Империи к Днепру, не могли оставаться в том превосходном порядке, который, по сознанию самих неприятелей наших, составляет отличительное качество русского воинства. Император Александр, узнав о некоторых насилиях и грабежах наших солдат, самовольно отлучившихся от войск, повелел Баркляю-де-Толли произвести строгое о том исследование и наказать виновных. Барклай, во время пребывания армий под Смоленском, приказал расстрелять несколько человек, уличенных в грабительстве, и этих примеров строгости было достаточно для восстановления порядка и дисциплины.

Что же касается до духа наших войск, или, лучше сказать, всего русского народа, то ни занятие неприятелем нескольких наших областей, ни продолжительное отступление на огромном пространстве, не могли поколебать постоянного желания всех и каждого отмстить за разорение отечества. Свидетельством истины наших слов могут служить письма из армии многих лиц к ближайшим родным: в этих сердечных излияниях, вовсе не назначенных к общему сведению, встречаем трогательные выражения преданности Государю, любви к родине, ненависти к неприятелю, дерзнувшему переступить заветный рубеж России. Никто не щадил тогда ни жизни, ни достояния и, большею частью, не из славолюбия, а из священного чувства долга. *«Не было никого, — говорит Вильсон, английский генерал, состоявший, в качестве доверенного лица от своего правительства, при главной квартире нашей армии, — ни мужчины, ни женщины, ни старика, ни юноши, кто не считал бы презрительным роптать, либо жаловаться на потерю имущества»*. Все постигали великость опасности, которою угрожало неприятельское нашествие, все были убеждены в превосходстве Гения, который, подчинив своему произволу почти всю Европу, тяготел над Россиею, но никто не желал купить мир ценою покорности Наполеону.

«Когда, — продолжает Вильсон, — я, по приезде из Петербурга в главную квартиру, рассказывал, что Государь дал слово — не заключать мира, пока останется в России хотя один

вооруженный неприятель, всякий военный и невоенный плакал от радости, либо кидался целовать меня, как будто бы я привез известие о совершенном прекращении бедствий войны».

Из этого следует, что выгоды, приобретенные неприятелем, заключались единственно в занятии нескольких русских областей, которое не доставило ему никакой существенной пользы. Наполеон, желая извлечь из Литвы средства для продовольствования и пополнения своей армии, устраивал в главных пунктах сей страны временные управления, но все эти попытки не имели успеха: отлагая впредь изложение мер, принятых Наполеоном в отношении к административному устройству областей, пройденных его армиею, скажем здесь только, что они все представляли плачевное зрелище грабежей, опустошения и всевозможных беспорядков. Напротив того — в тылу русской армии, по призыву Русского Монарха, дружно ополчались сотни тысяч его подданных, общее усердие, вознаграждая недостаток в средствах, находило возможность, и без устроенных заранее магазинов, снабжать продовольствием защитников России: огромные обозы тянулись со всех сторон на путь отступления наших войск, двигавшихся от Смоленска к Москве.

Таким образом положение русской армии, в это время, было во всех отношениях выгоднее, нежели положение неприятеля, углубившегося далеко внутрь нашей страны, значительно ослабленного и увлекаемого далее неуловимым призраком решительной победы. Но эти обстоятельства тогда не были — да и не могли быть — очевидны для каждого из Русских: и народ, и войска, видели только ближайшие следствия отступления: разорение страны, пожары цветущих городов, торжество неприятеля. Войска наши, жаждавшие случая преградить дальнейший путь врагу своею грудью, считали себя довольно к тому сильными, отступление казалось им предательством родины: таковы были чувства, одушевлявшие не только солдат, но и начальников их. Немногие лишь, подобно осторожному Барклаю, отваживались противиться общему порыву, все прочие были увлечены им, и даже некоторые из отличнейших наших генералов не скрывали своих мнений: дальнейшее отступление считалось напрасным, переход к решительным действиям был ожидаем с томительным нетерпением, как единственное средство к спасению отечества. Эти мнения, с быстротою молнии пролетая Россию, достигали обеих столиц. В Москве с каждым днем более и более выказывалась общая безотчетная ненависть к иностранцам, в Петербурге явно порицали Барклая.

Император Александр 22-го июля возвратился из Москвы в Петербург. Там получил Он смутные вести из армий Баркляя-де-Толли и Багратиона. Едва лишь они успели соединиться и донести Государю о прекращении возникших между ними недоразумений, как пришли из армии донесения и письма с жалобами на Баркляя и на неудачу наступления к Рудне. Императору Александру, как верховному руководителю борьбы России с Наполеоном, были вполне известны все обстоятельства этого дела. Он отдавал вполне справедливость достоинствам Баркляя-де-Толли, уверен был в его преданности и знал, что образ наших действий был внушен самою необходимостью. Тем не менее, однако же, не подлежало сомнению, что успех в войне возможен только тогда, когда полководец пользуется неограниченною доверенностью войск, только при этой духовной связи между вождем и вверенными ему войсками, он, владея душою каждого из своих подчиненных, направляет общие усилия к достижению цели действий и может оправдать возложенные на него надежды.

Убежденный в необходимости избрать нового главнокомандующего и вверить ему начальство над всеми русскими армиями, Император Александр поручил обсуждение сего предмета Комитету, составленному из бывшего наставника Его, председателя Государственного Совета, генерал-фельдмаршала графа Салтыкова, главнокомандующего в Санкт-Петербурге, генерала от инфантерии Вязмитинова, генералов: графа Аракчеева и Балашева, а также действительных тайных советников князя Лопухина и графа Кочубея.

Комитет сей, собравшись в доме графа Салтыкова, 5 (17) августа (во второй день сражения при Смоленске), занимался обсуждением предложенного ему вопроса от семи до десяти с половиною часов вечера. В начале заседания, по Высочайшему повелению, читаны были графом Аракчеевым полученные на Имя Его Императорского Величества рапорты от Главнокомандующих армиями, Военного Министра Баркляя-де-Толли, со времени отбытия Государя из армии, и от князя Багратиона, со дня сражения при Салтановке, затем представлены были Комитету частные письма князя Багратиона, графа Сен-При и других генералов.

Из донесений Баркляя-де-Толли можно было видеть безнадежность в успехе действий против огромных сил Наполеона и неудовольствие на князя Багратиона, который, по мнению Военного Министра, должен был, действуя решительно, отвлечь

часть неприятельских войск, направленных (как полагал Барклай) в совокупности против 1-й Западной армии. Все предположения Барклая-де-Толли основывались на диверсиях войск графа Витгенштейна и Торماسова. Находясь под влиянием общественного мнения, господствовавшего в России и несогласного с его убеждением, он колебался в нерешимости, что, без всякого сомнения, не могло обещать хороших последствий.

Князь Багратион, с своей стороны, настаивал в необходимости перехода обеих Западных армий к наступательным действиям против неприятеля, расстроенного форсированными маршами, и жаловался на Военного Министра, который — как выражался князь Багратион — «требуя его мнения, не согласуется с оным».

Разномыслие главнокомандующих обнаруживалось еще очевиднее из частных писем. Князь Багратион, извещая графа Аракчеева о современном положении дела, выставлял, в самых резких выражениях, пагубные последствия, которые, по его мнению, могло иметь дальнейшее отступление. *«Вся армия просила меня гласно, чтобы я всеми командовал, но я на сие им ничего не отвечал, ибо воля на то Государя моего»*, — писал Багратион после соединения Западных армий. *«Признаюсь вам откровенно, — продолжал он в том же самом письме, — сколько мне было приятно сойтись с Первою армиею, столько же и прискорбно, ибо продовольствие для меня весьма плохое. Когда один шел, тогда все имел»*.

Несколько дней спустя он писал:

«Ради Бога, пошлите меня куда угодно, хотя полком командовать, в Молдавию, или на Кавказ, а здесь быть не могу, вся главная квартира Немцами наполнена, так, что Русскому жить невозможно, и толку никакого нет. Воля ваша, или увольте меня хотя отдохнуть на месяц».

По выслушании всех официальных бумаг и частных писем, объяснявших положение дела, Комитет единогласно признал, *«что недеятельность в военных операциях происходила от того, что не было над всеми действующими армиями положительной единогласной власти, и сколь в настоящее время невыгодно такое раздробление власти, столь напротив того необходимо общее оной соединение»*.

По мнению Комитета, истина сего основывалась как на положении обстоятельств вообще, так и на том, что, по действию разных армий на значительном пространстве, они обязаны всегда соглашать свои движения и действия одна с другою. А потому

Комитет нашел необходимо нужным назначить над всеми действующими армиями одного общего главнокомандующего. Главнокомандующий Первою Западною армиею, будучи, вместе с тем, и военным министром, имел распорядительное влияние на действия прочих главнокомандующих, старших в чине, что, может быть, стесняло его распоряжения, и потому Комитет утвердительно полагал, что звание военного министра, соединенное с начальством над армиею, производило неудобства в достижении желаемой пользы.

Затем, приступив к назначению общего главнокомандующего, Комитет постановил, что оно должно быть основано на известной опытности в военном искусстве, отличных дарованиях, общем доверии и на старшинстве службы. Рассуждая, кого предложить в главнокомандующие, называли Беннигсена, Багратиона, Торماسова и бывшего давно уже в отставке Палена, но находили, что ни один из них не соответствовал определенным для выбора условиям. Наконец, когда было произнесено имя Кутузова, все члены Комитета единогласно постановили вверить ему начальство над всеми армиями, предоставить ему одному власть, определенную положением о большой действующей армии, и предписать начальникам губернских ополчений доносить ему об успехе вооружений и о местах, где уже собраны земские силы.

С тем вместе положено было: *«Предоставить вполне управление военным министерством управляющему департаментом оного, генерал-лейтенанту князю Горчакову»*. Ему же было поручено командовать, вместо Кутузова, Санкт-Петербургским ополчением, *«тем более, что в составе сего ополчения находились и регулярные войска»*.

Действительно — Кутузов соединял в себе все условия, определенные Комитетом при выборе главнокомандующего. Его служба началась под счастливыми предзнаменованиями: в самых юных годах своих, замеченный Великою Екатериною, впоследствии называвшею его «Мой Кутузов», он получил практическое военное образование под руководством образованнейшего из тогдашних русских генералов, Баура, был отличен Румянцевым и сделался любимцем Суворова. Его имя было неразлучно с памятью славнейших подвигов Екатерининского века, его двукратное спасение после тяжких ран, им полученных¹, обращало на него внимание всей России.

Впоследствии Кутузов, будучи назначен чрезвычайным послом в Константинополь, выказал необыкновенные дипломати-

ческие способности, исполнял с отличием многие важные поручения, на него возложенные, и окончил продолжительную войну с Турками решительным ударом, нанесенным армии верховного визиря, и договором, расширившим пределы России до Дуная и Прута.

Ко всем этим заслугам Кутузов присоединял преимущество старшинства по службе над всеми главнокомандующими наших армий, наконец — имя Кутузова, природного Русского, было русское, что в Отечественную войну 1812 года имело большую важность.

Избрав Кутузова, Комитет совершенно исполнил ожидания Государя, который заранее предвидел — на кого падет выбор и, за несколько дней пред тем, почтил маститого военачальника изъявлением личной Своей благосклонности, возведя его в княжеское достоинство. Такое отличие было тем более для всех неожиданно, что Кутузов, в то время устраненный от начальства над войсками, не пользовался милостями Императора Александра. Незадолго пред тем, ведя переговоры с Оттоманскою Портою, Кутузов беспрестанно получал от Государя письма, в которых выражалась необходимость скорейшего заключения мира. Кутузов усердно старался исполнить волю Государя, но не мог превозмочь упрямства турецких дипломатов, которые, будучи возбуждаемы происками агентов Франции и Австрии, не соглашались на условия, предложенные русским правительством. Дни проходили за днями, а дело нисколько не подвигалось, наконец — Император Александр, выведенный из терпения медленностью переговоров, поручил адмиралу Чичагову вместо Кутузова как начальство над Дунайскою армиею, так и заключение мира. Кутузов, узнав о том, ускорил всеми средствами ход переговоров, и следствием деятельных мер, им принятых, было заключение Бухарестского трактата, 16 (28) мая, за четыре дня до прибытия Чичагова.

Император Александр, несмотря на успешное по обстоятельствам заключение мира с Оттоманскою Портою, был недоволен тем, что, при многих уступках в наших требованиях, Кутузов не успел заключить оборонительного и наступательного союза с Турками. По мнению Императора Александра, только такой союз мог вознаградить нас за потерю прямых сношений с Сербями и доставить нам средство пользоваться их содействием против французов и союзников их. Хотя Государь, отдавая справедливость заслугам Кутузова, возвел его еще прежде в графское достоинство, однако же Кутузов испросил себе отпуск, удалился в

одну из пожалованных ему деревень и приехал в Петербург уже по отбытии Государя в армию. Удачный поход на Дунае и мир, заключенный в роковой час разрыва с Наполеоном, упрочили славу Кутузова: его суждения о современных военных действиях находили отголосок в высшем кругу общества, а народ с благоговением смотрел на старого, израненного воина, усердно молящегося в храмах Божиих о спасении Отечества.

Когда же последовал Высочайший Указ об учреждении ополчения, Кутузов единогласно был избран, 17 (29) июня, за пять дней до возвращения Государя в Петербург, начальником Санкт-Петербургской земской силы. Такая должность вовсе не соответствовала ни заслугам его, ни старшинству по службе, но она служила дальновидному Кутузову ступенью к новым подвигам и отличиям, и потому он принял эту должность с условием — «оставить ее, ежели будет вызван к другим обязанностям, либо ежели будут не угодны Государю занятия его по ополчению».

Кутузов, сделавшись Начальником Санкт-Петербургской земской силы, исполнял свои обязанности с чрезвычайным усердием: проводил целые дни в приеме ратников, входил во все подробности их обмундирования, занимался лично их образованием и давал им наставления. Все взоры были обращены с удивлением и сердечным участием на Кутузова, некогда блистательного посла Российских Монархов Екатерины и Павла, бывшего предводителя армий, усердствующего на пользу общую в годину бедствий Отечества.

Такое самоотвержение не осталось без воздаяния: Император Александр возвел, 29-го июля, Кутузова в княжеское достоинство, с титулом светлейшего, и вслед за тем, 8 (20) августа, призвав его к Себе, объявил ему назначение в Главнокомандующие всеми армиями и ополчениями. Кутузов, как говорил он сам, ввечеру того же дня, в кругу родных своих, «услышал повеление Государя с христианским смирением, но без робости, как призвание свыше». Так смотрели тогда все Русские на высокое назначение заслуженного воина, так взирает на это событие и ныне благодарная Россия.

В тот же день, 8-го августа, Император Александр удостоил Кутузова следующим рескриптом:

«Князь Михаил Илларионович!

Настоящее положение военных обстоятельств наших действующих армий, хотя и предшествует было начальными успехами, но последствия оных не открывают еще той быстрой

деятельности, с каковою надлежало бы действовать на поражение неприятеля. Соображая сии последствия и извлекая истинные тому причины, Я нахожу нужным назначение над всеми действующими армиями одного общего главнокомандующего, которого избрание, сверх воинских дарований, основывалось бы и на самом старшинстве. Известные достоинства ваши, любовь к Отечеству и неоднократные опыты отличных ваших подвигов, приобретают вам истинное право на сию Мою доверенность. Избирая вас для сего важного дела, Я прошу Всемогущего Бога, да благословит деяния ваши к славе Российского оружия и да оправдает тем счастливые надежды, которые Отечество на вас возлагает».

В то же время, ко всем Главнокомандующим армиями: Барклаю-де-Толли, князю Багратиону, Тормасову и Чичагову отправлены рескрипты следующего содержания:

«Разные важные неудобства, происшедшие после соединения двух армий, возлагают на Меня необходимую обязанность назначить одного над всеми оными главного начальника. Я избрал для сего генерала от инфантерии, князя Кутузова, которому и подчиняю все четыре армии. Вследствие чего предписываю вам со вверенною вам армиею состоять в точной его команде. Я уверен, что любовь ваша к Отечеству и усердие к службе откроют вам и при сем случае путь к новым заслугам, которые мне весьма приятно будет отличать подлежащими наградами».

Известие о назначении Кутузова главнокомандующим всеми вооруженными силами, действовавшими против Наполеона, было встречено во всей России с невыразимым восторгом. Такое расположение целого народа в пользу одного лица достаточно убеждает в необходимости назначения Кутузова предводителем вооруженных сил государства.

Иностранные писатели, не вникнув в положение дела, старались исследовать, действительно ли Кутузов заслуживал почетного места, на которое поставили его воля Царя и глас народа, глас Божий. Для нас, Русских, такое исследование совершенно напрасно: мы чтим в Кутузове полководца, освободившего Россию от чужеземного нашествия, благоговеем к его памяти и вовсе не занимаемся вопросом: возможно ли было исполнить лучше то, что так хорошо совершил Кутузов?

Напрасно иностранцы стараются унижить заслуги нашего полководца: лучшими ценителями их могут быть те, которым они принесли пользу. Напрасно говорят, что 67-летний Кутузов был

неспособен командовать армиею: до самой кончины он сохранил свои умственные способности и уже лежа на одре смерти в Бунцлау, подавал мудрые советы. Напрасно покушаются выставить на его счет достоинства других наших генералов: мы готовы сознать, что Кутузов уступал Барклаю-де-Толли в административных способностях и князю Багратиону в деятельности, мы не станем отрицать, что отступление Барклая приуготовило последующие успехи Кутузова — но, с тем вместе, воздавая каждому должное, скажем, что один лишь Кутузов мог решиться на неравный бой при Бородине и на оставление столицы, священной в понятиях русского народа. Иностранцы порицали его в медленности, в излишней (по их мнению) осторожности действий.

Говорят — будто бы он мог достигнуть более важных успехов. Нельзя не сознаться в справедливости этого мнения, но весьма трудно решать вопросы о том, что могло быть и чего в действительности не было, и к тому же не подлежит сомнению, что для Наполеона, превосходившего всех своих противников в тактическом искусстве, и для французов, более способных к высоким подвигам на поле брани, нежели к постоянному перенесению продолжительных трудов и лишений, было невыгодно иметь дело с военачальниками осторожными. В течение всего периода Наполеоновых войн полководцы, действовавшие с наибольшим успехом против французских войск, Веллингтон и Кутузов, оба отличались умением ослабить неприятеля, избегая решительной развязки дела.

Некоторые писатели, стараясь помрачить славу нашего вождя, упрекали его в хитрости, двуличии, дворских происках. Действительно — Кутузов был одарен умом весьма тонким, доставлявшим ему средства выходить с успехом из самых затруднительных обстоятельств. Суворов, которого Кутузов был любимцем, говаривал о нем, вовсе не в укор: «Умен, очень умен, его и Рибас не обманет». Сам Кутузов, в 1812 году, отъезжая из Петербурга в армию, на довольно нескромный вопрос одного из ближайших своих родных: «Неужели вы, дядюшка, надеетесь разбить Наполеона?» отвечал: «Разбить?.. Нет! А обмануть — надеюсь».

Кутузов, во всю свою жизнь, и тем более в преклонных летах, отличался уклончивостью, которая нередко доходила до того, что он часто жертвовал собственными убеждениями. Один из чиновников главной квартиры его, Маевский, говорит, что когда наши войска соединились на реке Березине, он осмелился доложить фельдмаршалу о пользе назначения кого-либо начальником артил-

лерии всех русских армий. «Кого же лучше, — отвечал Кутузов, — как не Резвого, он человек умный, опытный, и знает это дело лучше всех». Едва лишь он успел произнести эти слова, как приехал к нему граф Аракчеев. «Государю Императору угодно соединить командование всею артиллериею в лице одного артиллерийского генерала, — сказал он, — выбор его предоставлен вашей светлости. Его Величество полагает, что всего ближе вверить этот пост А. Л. Ермолову». «Спросите у него, — отвечал Кутузов, указывая на Маевского, — мы только что об этом говорили, и я сам хотел просить Государя Императора, чтобы назначен был Ермолов. Да и можно ли сделать лучший выбор?»

Обычная скрытность князя Кутузова, обретаясь в привычку, заставляла его хитрить даже и тогда, когда не было в том нужды, а горький опыт долгой жизни, хотя и убедил его в неблагодарности многих благодетельствованных им людей, однако же не предохранил его от влияния лиц, пользовавшихся его доверием и иногда употреблявших во зло его благосклонность.

Некоторые иностранные писатели, и в числе их Тьер, вводя в эпопею войны 1812 года мелочи частной жизни Кутузова, представляли его «до крайности развращенным, лживым» и прочее. Другие старались выказать его ленивым и недеятельным, к чему могла подать повод преклонность его лет, не позволявшая ему ни водить лично полки в дело, ни заниматься письменною частью, которая действительно была запущена в его армии. Важнейшие бумаги, подносимые к подписи Фельдмаршала, оставляемы были «до завтра», и это «завтра» иногда повторялось несколько недель. Для него написать сряду несколько слов либо подписать сряду десять бумаг было труднее, нежели для другого исписать кругом несколько листов. Но когда он, в хорошем расположении духа, говаривал приходившему с делами: «Не сердись, любезный, я, право, завтра подпишу твои бумажки»², тогда можно было почти наверно надеяться, что он сдержит слово.

При столь сильном отвращении от всякой корреспонденции, Кутузов сохранил до самой смерти дар слова, которым он очаровывал всех и каждого. Подобно даровитому импровизатору, он увлекал, приводил в восторг и сам проливал слезы, вызванные чувством. Никто ловчее князя Кутузова не умел вознаграждать оскорбления, нанесенного по нетерпению либо горячности, никто лучше его не обладал искусством льстить под личиною грубости. Однажды, когда Коновницын, представляя Кутузову лично одного из своих подчиненных, выхвалял его храбрость, Фельд-

маршал с гневом сказал: «Прошу вас не брать его с собою, вы и без того уже лишили меня многих достойных людей».

Несмотря на недоверчивость и скрытность своего характера, Кутузов был любим окружавшими его, недостатки и слабости его не помешали ему снискать и сохранить общее доверие войск. Когда накануне Люценского сражения один из адъютантов Фельд-маршала привез сведение о его смерти, приказано было скрыть эту весть в глубочайшей тайне: таким образом — уже не было Кутузова, но русская армия пошла в бой, как будто бы руководимая его тенью.

Не станем возвышать Кутузова за счет прочих сподвижников Императора Александра I, не будем приписывать ему подвигов, совершенных другими деятелями в великом деле спасения Отечества, но сохраним в истории память чувств, которые были питаемы к нему Русскими в 1812 году, и оставим без внимания легкомысленный отзыв о нем Тьера. Остаемся в надежде, что соотечественники этого знаменитого писателя будут беспристрастнее его к нашему полководцу; они вели против Русских многие войны, но и враждуя между собою, обе нации уважали одна другую, а восстановив согласие, питали взаимное сочувствие и никогда не прибегали к презренному оружию злословия.

Кутузов, одаренный необыкновенною сметливостью, постигал вполне, что Барклай-де-Толли, избегая генерального сражения, действовал сообразно с обстоятельствами, в которые он был поставлен. От проницательности опытного военачальника не укрылось также и то, что надлежало поступать и впредь подобно тому, как поступал Барклай. Но, вместе с тем, Кутузов весьма хорошо знал, чего ожидала Россия от вождя своих армий, и потому, с первого дня своего назначения, при всяком случае, выказывал намерение сразиться с Наполеоном.

11 (23) августа, в то самое время, когда наши Западные армии отступали к Дорогобужу, Кутузов отправился из Петербурга на великий подвиг — спасения Отечества.

ГЛАВА XX

Прибытие князя Кутузова в армию

По отступлении Западных армий от Лубина по московской дороге, целью наших главнокомандующих было приискание местности, выгодной для оборонительного сражения. Стремле-

ние вступить в решительный бой проявлялось еще сильнее в народе и войсках после потери Смоленска, и даже те считали генеральное сражение необходимым, кто не ожидали от него никаких выгодных последствий. Таково было мнение и Барклай-де-Толли. Уступая силе обстоятельств, он послал несколько офицеров Генерального штаба для обозрения местности по пути к Москве и для приискания позиций, представлявших выгоды в оборонительном отношении, из донесений этих офицеров оказалось, что на пространстве между Смоленском и Гжатском были найдены две позиции: при Усвятье, за речкою Ужею, и при Цареве-Займище.

Полковник Толь, получив приказание осмотреть их, нашел позицию при Усвятье весьма выгодною: правый фланг ее примыкал к Днепру, фронт был прикрыт речкою Ужею, которая хотя незначительна и течет в неглубокой ложбине, однако же представляла преграду неприятелю, замедляя его движение под выстрелами артиллерии, расположенной на позиции. Местность впереди открыта и удобна для обозрения, а в тылу ее встречаются предметы, способствующие прикрытию войск. Но левый фланг позиции был подвержен обходу, к тому же неприятель, направившись из Смоленска на Духовщину к Дорогобужу, по другую сторону Днепра, мог обойти позицию также и с правого фланга, что способствовало ему выйти на путь отступления Западных армий к Москве.

Так как, для такого обхода, неприятель должен был отделить часть сил на значительное расстояние (что могло подвергнуть его поражению по частям), то полковник Толь считал достаточным, прислонив правый фланг к Днепру, расположить, для охранения позиции с левого фланга, значительную часть войск, в виде резерва, позади главных сил. С этою целью 9 (21) августа Первая армия заняла избранную позицию, а Вторая отступила к Дорогобужу.

По прибытии главной квартиры Первой армии в Усвятье оба главнокомандующие, желая обозреть позицию, отправились на рекогносцировку, вместе с Великим Князем Константином Павловичем, сопровождаемые всеми корпусными командирами и другими генералами. При этом осмотре князь Багратион заметил, что против правого фланга позиции находилась господствующая высота, которою мог воспользоваться неприятель. Но Барклай хотя и не имел большой надежды на силу этой позиции, однако же решился выждать нападение и предложил князю Багратиону сблизить Вторую армию к левому флангу Первой.

11 (23) августа аррьергард под начальством Платова и Розена, преследуемый неприятелем, перешел на правую сторону Ужи и расположился на позиции вместе с главными силами 1-й армии, между тем как Багратион, оставив генерал-майора Неверовского с сильным отрядом у Дорогобужа, стал со Второю армиею на левом крыле Первой. Неприятель, подойдя на пушечный выстрел, открыл сильную канонаду. Тогда князь Багратион изъявил опасение за свой левый фланг, подверженный обходу, утверждая, что позиция при Дорогобуже представляла более выгод, нежели та, на которой тогда стояла наша армия. В то же время получены были от генералов Винцингероде и Краснова донесения о наступлении вице-короля Италийского от Духовщины к Дорогобужу. Все эти обстоятельства заставили Барклай отвести обе армии к Дорогобужу, в ночи с 11 (23) на 12 (24) августа.

Действительно, хотя Наполеон оставался три дня в Смоленске, употребив это время на разные правительственные и военные распоряжения, и хотя его войска имели крайнюю нужду в отдыхе, однако же движение неприятеля продолжалось безостановочно. 10 (22) августа кавалерия Мюрата, а за нею корпуса Даву и Нея, достигли Пневой Слободы и переправились через Днепр: кавалерия вброд, пехота — по двум понтонным мостам, за ними следовал Жюно.

Погода была знойная, войска, обозы, стада, следовавшие за армиею, двигались в густых облаках пыли. Между тем как большая часть Наполеоновой армии частью шла по кратчайшей дороге к Дорогобужу, частью готовилась выступить из Смоленска по тому же направлению, войска вице-короля и Понятовского двигались в обход, проселочными путями. Первый с 4-м корпусом следовал по духовщинской дороге до Помогайлова, а потом, выйдя проселком на дорогу, ведущую из Духовщины в Дорогобуж, перешел через реку Вопь, прибыл в Заселье 13 (25) августа и соединился там с корпусом Груши, пришедшим из Духовщины. Понятовский, с 5-м корпусом, следуя вправо от течения Днепра, на Белкино, двигался на одной высоте с авангардом Мюрата, в расстоянии нескольких верст от большой дороги. Корпус Латур-Мобура после четырехдневного отдыха в Дрыбине шел на Мстиславль к городу Ельне и должен был прибыть туда 16-го (28-го) августа.

Сам Наполеон, узнав, что вся русская армия остановилась впереди Дорогобужа, и надеясь вступить в генеральное сражение, выслал свою гвардию 12 (24) августа и выехал в следующую

же ночь из Смоленска. Число войск Большой армии, за исключением одной гвардейской дивизии в 4500 человек под начальством генерала Делаборда, оставленной в Смоленске, до прибытия туда маршевых батальонов, простиралось до ста пятидесяти пяти тысяч человек. Небольшое количество съестных припасов, найденных в Смоленске, было отправлено вслед за войсками. От шести до семи тысяч раненых оставались без пищи в продолжение нескольких дней, но чрез две недели по выступлении Большой армии были учреждены значительные магазины муки, круп и прочих запасов.

По отступлении русских войск к Дорогобужу, 12 (24) августа, Первая армия расположилась на позиции впереди города, кроме 2-го пехотного и 1-го кавалерийского корпусов, отряженных на правую сторону Днепра для противодействия вице-королю. Вторая армия стала на левом фланге и несколько позади Первой, в расстоянии от ней семи верст, при селе Бражине. Арьергард Платова отошел на позицию в 7 верстах впереди Дорогобужа.

Позиция, занятая главными силами русской армии у Дорогобужа, по свидетельству Баркляя-де-Толли, представляла многие важные неудобства: во-первых, надлежало отрядить целый корпус на правую сторону Днепра против вице-короля, во-вторых, армия принуждена была растянуться на значительное пространство, чтобы примкнуть свой правый фланг к Днепру и занять левым крылом высоты, господствующие окрестною местностью, в-третьих, город, лежавший в небольшом расстоянии позади армии, на весьма пересеченной местности, мог затруднить отступление войск с позиции, наконец — Вторая армия была расположена слишком далеко от Первой. Другой очевидец говорит: *«Эта позиция, по убеждению моему, была негодная (abscheulich), пространство впереди фронта ее не представляло никаких преград для неприятеля и было неудобно для обозрения, позади правого крыла лежал город на гористой местности; корпус Баггевута занимал еще худшую позицию»*.

К счастью, наши армии оставались недолго под Дорогобужем. В следующую же ночь, с 12 (24) на 13 (25) августа, войска получили приказание отступать к Вязьме тремя колоннами: правая (обратясь фронтом к стороне неприятеля), состоявшая из 2-го пехотного и 1-го кавалерийского корпусов, с тремя казачьими полками, двинулась на Конюшкино и Афонасьево; средняя, из 3-го, 4-го, 5-го и 6-го пехотных корпусов, со всею резервною ар-

тиллериею Первой армии, — на Чоботово и Семлево; левая, из войск Второй армии, — на Божан и Лужки.

Арьергардом правой колонны, состоявшим из полков: Иркутского и Сибирского драгунских, 30-го и 48-го егерских и одного казачьего, командовал генерал-майор Крейц, средней — генерал Платов, а левой — генерал-адъютант Васильчиков. Как местность на пространстве от Дорогобужа к Вязьме довольно открыта, то 2-й и 3-й кавалерийские корпуса были оставлены назад для поддержания арьергарда, отряд генерал-адъютанта Винцингероде для прикрытия сообщения с Тверью направился от Духовщины к Белому, а для связи его с главными силами армий послан на дорогу, ведущую из Духовщины в Вязьму, генерал-майор Краснов с тремя казачьими полками, поддержанный двумя батальонами и восемью драгунскими эскадронами под начальством генерал-майора Шевича.

Между тем, Наполеон прибыл в Дорогобуж 13 (25) августа. Готовясь сделать последний шаг к цели своей — решительной победе, занятию нашей первопрестольной столицы, покорению России, Наполеон усугубил меры предосторожности к обеспечению флангов и тыла своей армии. Виктору с 9-м корпусом, находившимся в прусских владениях, предписано идти на Ковно и Вильну к Смоленску, ему же были подчинены все отряды «Большой армии», оставленные в Вильне, Минске, Могилеве, Витебске и Смоленске. Все эти войска предполагалось употреблять исключительно к обеспечению главного пути действий от Вильны к Смоленску и далее. Шварценбергу послано предписание — отеснить как можно далее Торماسова. «Вы успеете, — писал ему Наполеон, — дойти до Киева и Калуги (?), между тем как мы пойдем в Москву». Маршалу Сен-Сиру было приказано удерживать Витгенштейна, а Макдональду — приступить к осаде Риги. Вместе с тем осадный парк, все еще находившийся в Тильзите, должен был немедленно выступить к Двине.

«По овладении Ригою, — писал Наполеон, — корпус Макдональда примет участие в общих действиях, и тогда и маршал Макдональд, и Сен-Сир могут угрожать Петербургу, между тем как мы будем в Москве. Если же Сен-Сир потерпит поражение, то герцог Беллюнский (Виктор) двинется в помощь войскам, действующим на Двине. Но главное назначение его армий³ — служить резервом Московской армии. В случае потери сообщения от Смоленска к главной моей квартире, должно немедленно открыть его, необходимо даже, чтобы герцог Беллюнский, со

всею своею армиею, двинулся нам на встречу, если это окажется нужным. Быть может — я не найду мира там, куда иду за ним. Но тогда, имея за собою сильный, в надлежащем месте расположенный резерв, отойду безопасно, и ничто не заставит меня ускорить отступление».

Корпус Ожеро получил приказание занять пространство между Вислою и Неманом. Некоторые из когорт национальной стражи направились к Рейну и далее к Эльбе. Наконец — приказано набрать конскрипцию 1813 года. Таким образом, в гигантской борьбе Наполеона с Россией развивались постепенно его огромные средства.

По занятии Дорогобужа, главные силы Наполеоновой армии двинулись по большой дороге к Вязьме, между тем как вице-король, с корпусами своим (4-м) и Груши, шел в обход нашего правого фланга на Благово и Березки, а Понятовский с Польским (5-м) корпусом в обход левого — на Бражино и Лужки. В голове авангарда, первым в огне всегда был Мюрат. Его появление перед войсками служило сигналом к бою. В зеленой, золотом вышитой, куртке и в шляпе с высоким пером, на вороном коне, окруженный блестящею свитою, в числе которой был арап, одетый мамелюком, красовался бесстрашный воин, возбуждая восторг своих и удивление казаков, нередко встречавших его громкими восклицаниями.

15 (27) августа, обе колонны Первой армии соединились при Вязьме, а Вторая расположилась у деревни Быковой, арьергард, по достижении реки Осьмы, у селения Рыбки, был атакован Мюратом, держался семь часов у селения Беломирского, близ Семлева, и к вечеру 15-го (27-го) получил приказание отступить. Только отряд Крейца, оставаясь еще назади в 15-ти верстах от Вязьмы, для прикрытия справа отступления главных сил чрез город, был стремительно атакован неприятелем и едва было не потерял своих орудий, но успел отойти вслед за прочими войсками. Урон наш вообще простирался до двухсот тридцати человек (15).

Барклай, отойдя к Вязьме, предполагал воспользоваться разделением неприятельских сил и перейти от обороны к наступлению. С этою целью предписано было Толю и начальнику инженеро-в Труссону, еще 13-го (25-го) августа, отправиться в Вязьму, выбрать там позицию и укрепить ее так, чтобы двадцати или 25-тысячный корпус мог удерживаться на ней против превосходящих сил неприятеля, между тем как обе армии должны были ата-

ковать его. Но как у Вязьмы не оказалось удобной позиции, то русские армии отступили 16 (28) августа к Федоровскому, а на следующий день к Царево-Займищу.

Арьергард, отступив, 16-го (28-го), к Вязьме, был атакован превосходными силами Мюрата и Даву, но удержался до самой ночи. На следующий день генерал Коновницын, приняв начальство над арьергардом, усиленным 3-ю пехотной дивизией и 2-м кавалерийским корпусом, отступил на половину расстояния от Вязьмы к Царево-Займищу. По свидетельству одного из очевидцев, отступление нашего арьергарда производилось таким образом, что на всяком пункте, представлявшем выгоду для действия артиллерии, выставлялось несколько конных орудий, под прикрытием конницы в открытых местах и легкой пехоты — на местности пересеченной. Эти орудия, обстреливая подходившего неприятеля, заставляли его противопоставлять им сильнейшие батареи и развертывать войска в боевой порядок, а потом быстро отъезжали назад и наводили наступающего на другие орудия, действовавшие так же, как и прежние. Между тем казаки зорко следили за всеми движениями неприятеля и извещали заблаговременно о его обходах. К вечеру войска располагались в выгоднейшей позиции и удерживались на ней до самой ночи.

17 (29) августа, в тот самый день, когда обе Западные армии соединились на позиции у Царево-Займища, где Барклай-де-Толли предполагал принять сражение, неприятель занял город Вязьму, зажженный в нескольких местах самими жителями, ушедшими вслед за войсками. Авангард Мюрата расположился против Коновницына, вице-король у Нового, Понятовский у Покровского.

Много было толков о выгодах и недостатках позиции при Царево-Займище, одобренной Барклаем-де-Толли и отвергнутой (как увидим впоследствии) его преемником — Кутузовым. Известный военный писатель майор Блессон, обзревавший сию местность, считает ее лучшею оборонительною позициею на всем пространстве от Смоленска до Москвы. По словам его — к ней ведет плотина, длиною в несколько верст (*mehrere Stunden*), чрез болото, простирающееся в обе стороны на необозримое расстояние (*in unabsehbarer Ferne*). Самая позиция, говорит он, образуется отлогими высотами, огибающими в виде дуги выход с плотины. По мнению Блессона, не было никакой возможности перейти силою по этой плотине, а движение в обход позиции сопряжено было с удалением назначенного к тому отряда от про-

чих войск и повело бы к поражению его всею массою сил русской армии.

Очевидно, что суждение Блессона было основано на несколько преувеличенных понятиях его о длине плотины и о протяжении болот у Царево-Займища. В действительности же эта плотина имеет в длину не более версты, а болота простираются вправо от позиции верст на пять, а влево около трех верст: следовательно, хотя они с большой дороги и кажутся необозримыми, однако же не препятствуют обходу на такое расстояние, на каком резерв, расположенный близ дороги, может поддерживать обходящие войска. Эти болота в сухую погоду вовсе не составляют преграды, что всего убедительнее доказывается расположением русских армий у Царево-Займища в 1812 году: *не за болотами, а впереди них, тылом к тем самым болотам, которые Блессон, а за ним Бернгарди и Бейцке считали непроходимыми*. Сам Барклай-де-Толли, исчисляя выгоды сей позиции, говорит, что «армии имели пред собою открытое место, на коем неприятель не мог скрывать своих движений, и что в 12-ти верстах позади сей позиции, у Гжатска, была другая найденная также удобною», — но не упоминает о неприступности расположения у Царево-Займища, и даже из приказа, данного им начальникам инженеров обеих армий, — построить несколько редутов на фронте и флангах позиции, — оказывается, что он не считал ее неприступною ни с фронта, ни с флангов.

Такова была позиция, на которой русские войска готовились принять сражение. Но надежда на решительную встречу с неприятелем, уже не один раз обманутая, казалась всем несбыточною мечтою, до тех пор, пока начальство над армиею оставалось в руках Барклая-де-Толли. Уже несколько дней носились в армии слухи о назначении главнокомандующим Кутузова. В настоящее время никто не сомневается в том, что Баркай, сохранив порученную ему армию, достоин признательности потомства наравне с Кутузовым, но в 1812 году судили иначе. Как, по мнению многих, действия наших войск были ведены Барклаем чрезвычайно дурно, то всякая перемена в начальстве над армиею казалась выгодною. К тому же безотчетная недоверчивость ко всем иностранцам, и даже к русским уроженцам, носившим иностранные фамилии (как, например, к самому Барклаю⁴), доходила тогда до последней крайности. Даже те, которые не питали к Барклаю-де-Толли никакого неудовольствия, приписывали его несчастной звезде бедствия, тяготевшие над Россиею. В таких обстоятельствах прибытие нового вождя, Русского по происхож-

План позиции при Царево-Займище

дению и по имени, любимца Великой Екатерины и сподвижника Суворова, казалось эпохой, с которой победа должна была постоянно сопровождать войска русские.

Сам Барклай-де-Толли, получив сведения о назначении Кутузова главнокомандующим всеми русскими армиями, не охладел в усердии своем к общему делу. Изъявляя готовность жертвовать своею жизнью, какие бы ни были ему поручены обязанности, Барклай писал Государю:

«Как главнокомандующий, подчиненный князю Кутузову, я знаю свои обязанности и буду исполнять их добросовестно. Но я еще нахожусь в неизвестности насчет отношений моих в качестве военного министра. Быть может, Государь, причиною тому благосклонность Вашего Императорского Величества ко мне, прежде удостоенному совершенною Монаршею доверенностью. Осмеливаюсь предполагать, что только эта причина побудила Ваше Величество отложить поручение исполняемых мною обязанностей военного министра кому-либо другому. Умоляю Вас, Государь, не обращать на меня внимания, дабы ни на один миг не потерпела от того польза службы. Вашему Величеству известны мои убеждения, насчет сего предмета, изъявленные мною при открытии войны. Мой образ мыслей не только не изменился, но сделался еще более твердым. Примите слова мои, Государь, как выражение беспредельной преданности к Священной Вашей Особе верноподданного, который ничего не ищет и не желает, кроме возможности принести пользу на службе своего Монарха.

Не стану говорить о действиях вверенной мне армии в настоящее время, когда столь близка решительная развязка. Последствия покажут, мог ли я сделать более для спасения государства. Если бы моими поступками руководило легкомысленное тщеславие, то Ваше Императорское Величество получали бы от меня реляции о данных мною сражениях, а неприятель, несмотря на то, был бы под стенами Москвы, не имея пред собою сил, достаточных для ее защиты».

Император Александр, получив сие донесение и сообразив его с мнением Комитета, собранного для выбора главнокомандующего, повелел:

«Генерала от инфантерии Барклая-де-Толли, по нахождению его в действующей армии, уволить от звания военного министра, а Министерством военных сухопутных сил управлять генерал-лейтенанту князю Горчакову».

Вместе с тем Государь удостоил Барклая-де-Толли следующим рескриптом:

«Вследствие рапорта вашего от 16-го августа, нахожу Я ваши военные занятия при армии столь важными и многотрудными, что полагаю исправление вами должности военного министра невозможным, по совершенному недостатку времени, а равномерно по удалению, в котором вы находитесь от меня.

Принимая во уважение сии причины, нахожу полезным, чтобы исполнение должности военного министра производилось управляющим департаментами сего министерства, генерал-лейтенантом князем Горчаковым. О чем и дан от меня сего числа указ Правительствующему Сенату».

Причины, побудившие Императора Александра I к назначению нового главнокомандующего, изложены в письме Государя к Барклаю-де-Толли следующим образом:

«...Судьба благоприятствовала нам в Смоленске, где, сверх чаяния, соединились обе армии. Тогда следовало приостановить отступление. Но недостаток в сведениях о неприятеле и движениях его, недостаток, которого неблагоприятные последствия вы испытывали в продолжение всей кампании, заставил вас предпринять ошибочное движение к Поречью против левого крыла неприятельской армии, между тем как она сосредоточилась на правом фланге у Ляд и перешла там через Днепр. Вы исправили эту ошибку, предупредив неприятеля в Смоленске. Но как там соединены были обе армии и как вы имели в виду принять генеральное сражение, то надлежало на то решиться в Смоленске, не отступая к Царево-Займищу. Войска наши были тогда в лучшем состоянии, нежели после сражений 6-го, 7-го августа и в следующие дни до прибытия к Царево-Займищу. Что же касается до опасения обходов с флангов, то трудно избежать этого неудобства где бы то ни было, и расположась у Царево-Займища, вы также подвергались обходу. Войска сражались бы с чрезвычайным усердием, потому что Смоленск был бы первым русским городом, который довелось бы защищать им.

Потеря Смоленска произвела необъятное нравственное влияние на всю Россию. Порицатели нашего плана действий полагали, что бедствия, ими предсказанные, совершились и что Империя подвергалась неминуемой опасности. И как все толковали и судили, каждый по-своему, об изложенных мною ошибках, то обвиняли меня в том, будто бы я жертвую спасением Отечества из самолюбия, отстаивая вас, потому только, что вы из-

браны мною. Москва и Петербург дружно указывали на князя Кутузова, как на единственного человека, могшего спасти Империю, и проч. В таких затруднительных обстоятельствах, столица Государства впервые подвергалась опасности, и я счел нужным согласоваться с общим мнением, повелев однако же предварительно обсудить дело в Комитете, составленном из главных сановников Империи. Приняв предложенную ими меру, я пожертвовал собственным убеждением...»

* * *

11 (23) августа, Кутузов отправился в армию, напутствуемый усердными мольбами всех Русских. Накануне своего отъезда Кутузов слушал молебен в Казанском соборе, стоя на коленях, и возложил на себя образ Казанской Божией Матери, поданный ему протоиереем Иоанном. На следующее утро народ, собравшись на Дворцовой набережной, у дома своего защитника, провожал его в путь, из которого суждено было возвратиться, еще с большим торжеством, бранным останкам его.

По прибытии утром 16-го (28-го) в Торжок, он встретился с генералом Беннигсеном, который, будучи устранен Барклаем-де-Толли от всякого влияния на действия, испросил позволения отправиться в Петербург. Кутузов, предполагая назначить его своим начальником штаба⁵, объявил ему Высочайшее повеление — возвратиться в армию. Дальнейший путь Кутузова был направлен на Старицу и Зубцов к Гжатску. По прибытии в окрестности сего города, 17-го (29-го) августа, в 11 часов утра, он был встречен множеством тамошних жителей, которые, остановив его экипаж, в пяти верстах от Гжатска, выпрягли лошадей и везли карету на себе до приготовленного для него дома.

Здесь первым его делом было — отправить назад в армию офицеров Генерального штаба, высланных для обозрения позиций по московской дороге. «Не нужно нам позади армии никаких позиций, мы и без того уже слишком далеко отступили», — сказал Кутузов. В продолжение полутора часов пребывания в Гжатске, он занимался отправлением предписаний и ответов на бумаги, с которыми ожидали его там курьеры, а потом отправился в Царево-Займище, где тогда находилась главная квартира обеих армий. По прибытии туда в 3-м часу пополудни, Кутузов, поздоровавшись с почетным караулом, для него приготовлен-

ным, сказал, как будто про себя, но довольно громко: «Ну, как можно отступать с такими молодцами!»

Затем, пообедав наскоро, он отправился в лагерь верхом, в сюртуке без эполет и в белой с красным околышем фуражке, с шарфом через одно плечо и с нагайкою на ремне через другое. Войска встретили вождя, знакомого всем старым служивым, дружным ура! «Приехал Кутузов бить французов», — говорили между собою наши солдаты. С быстротою молнии, во все концы обширной России разнеслась весть, будто бы, в самое то время, огромный орел вознесся над головою Кутузова, сопровождая его при объезде лагеря. Это событие, действительное или вымышленное, осталось в народных преданиях как свидетельство надежд, возбужденных новым главнокомандующим⁶.

Осмотрев вместе с Барклаем позицию, Кутузов нашел ее весьма выгодною, изъявил решимость принять на ней сражение и приказал ускорить постройку укреплений, которые сооружались его предшественником. Силы нашей армии, не считая семи тысяч казаков, простирались до 95 734 человек, а вместе с подкреплениями, тогда прибывшими в Гжатск под начальством Милорадовича, до 111 323 человек⁷.

Неприятель находился в небольшом переходе от позиции, занятой русскими войсками, мы готовились остановить его. Никто в нашей армии не сомневался в наступлении рокового часа... 18 (30) августа, войска оставались на позиции, на следующий день, неожиданно для всех, дано было приказание — отступить.

Причина, побудившая к тому князя Кутузова, была объясняема различным образом. Барклай-де-Толли приписывал внезапное изменение решимости Кутузова принять бой у Царево-Займища — влиянию людей, пользовавшихся его доверенностью, но оно может быть истолковано гораздо ближе к истине обычным способом действий его. Вообще Кутузов не любил открывать никому своих намерений до самого того времени, когда они приводились в исполнение, и потому при осмотре Царево-Займищенской позиции, хотя и нашел ее не довольно сильною (как она и есть в действительности), однако же не считал нужным объявлять заранее о дальнейшем отступлении, которого настоящею причиною было, как и прежде, значительное превосходство в числе неприятельских войск. Отступив на несколько переходов, мы надеялись усилиться подкреплениями.

Кутузов, донося Государю о принятии им начальства над армиями, писал:

«По прибытии моем в город Гжатск, нашел я войска отступающими от Вязьмы и многие полки от частых сражений весьма в числе людей истощившимися, ибо токмо вчерашний день один прошел без военных действий. Я принял намерение пополнить недостающее число сие приведенными вчера генералом от инфантерии Милорадовичем и впредь прибыть имеющими войсками, пехоты 14 587, конницы 1002, таким образом, чтобы они были распределены по полкам.

Для еще удобнейшего укомплектования велел я из Гжатска отступить на один марш и, смотря по обстоятельствам, и еще на другой, дабы присоединить к армии, на вышеупомянутом основании отправляемых из Москвы в довольном количестве ратников, к тому же местоположение при Гжатске нашел я по обозрению моему для сражения весьма невыгодным.

Усилясь таким образом как чрез укомплектование потерявших войск, так и чрез приобщение к армии некоторых полков, сформированных князем Лобановым-Ростовским, и части московской милиции, в состоянии буду, для спасения Москвы, отдаться на произвол сражения, которое однако же предпринято будет со всеми осторожностями, которых важность обстоятельств требовать может».

В этом же самом донесении Кутузов писал о значительном числе наших солдат, самовольно отлучившихся из армии. Но сколько можно судить из прочих сведений о тогдашнем состоянии русских войск, донесение главнокомандующего, написанное вскоре по его прибытии в армию, когда он еще не успел вполне ознакомиться с положением дел, содержало в себе некоторые преувеличенные показания. Хотя мародерство встречалось в наших войсках, однако же несравненно в меньшей степени, нежели у французов. Герцог Евгений Виртембергский, беспристрастный историк виденных им событий, говорит:

«Разногласие мнений в главной квартире отзывалось в армии, но дух и дисциплина войск остались неприкосновенны. Арьергард сражался с постоянным мужеством и успехом, все следили за каждым его движением, полки соперничали один перед другим за честь участия в деле, на переходах и биваках люди всегда были бодры и веселы, изъявляя заботу только о крестьянах, которых война лишала крова и последнего имущества. Клятвенно готов поручиться, что все это было так, а не иначе».

Бернгарди, вовсе не пристрастный к Русским, говорит:

«По достижении Царево-Займища, русские армии считали в рядах своих шестнадцатью или семнадцатью тысячами человек менее, нежели при соединении их у Смоленска: следовательно, вся убыль войск состояла в тех людях, которые были потеряны в сражениях: поразительный пример порядка, дисциплины и твердости духа».

Причиной появления мародерства в нашей армии был недостаток в продовольствии на походе от Смоленска в Москву. Как при открытии военных действий никто не мог предвидеть, что нам придется отступать так далеко внутрь страны, то все наши большие магазины были учреждены в западных областях Империи, и потому, при отступлении от Смоленска, необходимо было прибегнуть ко всевозможным случайным средствам, как-то: к реквизициям либо сбору запасов под квитанции. Недостаток в фураже заставил князя Кутузова предписать в приказе (21 августа, за № 5-м), чтобы полки косили овес, тогда еще стоявший на корне.

Но все эти способы продовольствования войск, неминуемо сопряженные с опустошением страны, все еще были недостаточны для удовлетворения потребностям стотысячной армии. Барклай-де-Толли во время своего командования армией не раз доносил Государю о беспорядках, существовавших в войсках, и принимал для прекращения их строгие меры — но сила обстоятельств иногда превозмогала железную волю вождя. Князь Кутузов немедленно по принятии начальства над армиями также обратил внимание на уничтожение этого зла: первые приказы его служат тому свидетельством.

Как ни были велики затруднения, встречавшиеся на каждом шагу в продовольствовании русских войск, положение неприятельской армии в военно-хозяйственном отношении было несравненно хуже. Русские находили на пути некоторые запасы, косили овес в полях для своих лошадей и, уходя далее, вместе с жителями, поджигавшими дома свои, опустошали страну, оставляя неприятелю пустыню, не представлявшую никаких средств к существованию. Обозы Наполеоновой армии, частью везомые волами, частью состоявшие из тяжелых фур, постоянно отставали от войск. Неприятельская пехота была принуждена сходить с дороги в стороны на значительное расстояние и утомлялась до крайности, а кавалерия и артиллерия изнуряли лошадей своих дальними фуражировками и не имели времени кормить их.

Вся пища французского солдата состояла в куске говядины и горсти муки, либо даже зернового хлеба, разваренной в воде без

соли. Для печения хлеба не всегда доставало времени, тем более, что все мельницы на пути от Смоленска к Москве были уничтожены, а ручных мельниц тогда еще не успели прислать из Парижа. Изредка попадались неприятелям русские сухари, но они пришлись не по вкусу французам.

Недостаток в воде при зное, доходившем до 26° в тени (по Реомюру), был более чувствителен для Наполеоновых войск, нежели для наших, потому что мы обыкновенно располагались близ рек, останавливая неприятеля на таких местах, где воды вовсе не было либо где она, по дурному качеству своему, не могла служить в пользу войскам. И потому нисколько не удивительно, что те самые корпуса (Даву, Нея, вице-короля, Понятовского, Жюно, резервная кавалерия и гвардия), которые, при переходе чрез Неман, считали в рядах своих 280 тысяч человек, в продолжение одиннадцати недель, потеряв в сражениях не более 40 тысяч, уменьшились до 134 тысяч.

В особенности же пострадали вестфальцы Жюно, которые, двигаясь в хвосте «Великой армии», по большой дороге, не встречали на пути ничего кроме развалин. Следствием того был чрезвычайный урон вестфальского корпуса, который в день сражения при Лубине считал в рядах своих 13 600 человек, а спустя две недели, 21 августа (2 сентября), только 8868.

Первоначальные распоряжения Кутузова по вверенным ему российским армиям были следующие:

1) известь адмирала Чичагова и генерала Торماسова о своем решительном намерении принять генеральное сражение у Можайска, немедленно по получении ожидаемых подкреплений, Кутузов писал обоим главнокомандующим, что, как неприятель уже находился в сердце древней России, то целью действия Третьей и Дунайской армий долженствовала быть не защита отдаленных польских провинций, а отвлечение неприятельских сил, направленных против Первой и Второй Западных армий. Поэтому князь Кутузов предписывал Тормасову, присоединив к Третьей армии войска Эртеля от Мозыря и Сакена от Житомира, обратиться против правого крыла Большой Наполеоновой армии, а Чичагову с войсками, двигавшимися из Молдавии, сменить Третью армию и исполнять все обязанности, до того времени лежавшие на попечении Тормасова.

2) Генерал от кавалерии Беннигсен был назначен начальником главного штаба соединенных Западных армий, генералу от инфантерии Милорадовичу вверено начальство над 2-м и 4-м пе-

хотными корпусами, генерал-майор Вистицкий назначен генерал-квартирмейстером⁸ Западных армий, полковнику Толю велено состоять при князе Кутузове, а состоящему по армии полковнику Кайсарову — находиться при нем же в должности дежурного генерала.

Между тем, наши армии продолжали отступать. 19 (31) августа русские войска, снявшись с позиции у Царево-Займища, прошли чрез Гжатск и расположились в ночи с 19-го на 20-е у Ивашкова, где присоединились к ним войска, приведенные из Калуги генералом Милорадовичем, которые поступили на укомплектование полков обеих Западных армий, а кадры их (штаб-, обер- и унтер-офицеры, старые рядовые и барабанщики) немедленно отправлены в Калугу для формирования новых полков.

Русский арьергард, отступая к Гжатску, 19 (31) августа, часто останавливался для задержания преследовавших его неприятельских войск и далеко отстал от главных сил. Мюрат и Даву, пользуясь тем, настойчиво атаквали Коновницына, в то самое время, когда ему следовало проходить чрез обширный бор под Гжатском и потом чрез город и мост на реке Гжати. Генерал Коновницын, желая обеспечить свой правый фланг от обхода левой колонны неприятельских войск, наступавшей по дороге из Белого, приказал генерал-майору Крейцу с полками Иркутским, драгунским и одним казачьим, расположиться на сей дороге, правым флангом к реке Гжати, а левым к лесу, занятому нашею пехотою. Так как дорога из Белого вела к мосту кратчайшим путем, то неприятель, оттеснив Крейца и заняв мост, мог отрезать отступление всем остальным войскам арьергарда. Коновницын, заметив угрожавшую ему опасность, послал находившегося при нем Генерального штаба подполковника Гавердовского сказать Крейцу, что *«для спасения большого надобно пожертвовать меньшим, а потому Коновницын спрашивает Крейца, согласен ли он держаться, куда все прочие войска перейдут через мост, а может быть, и умереть?»* — *«Согласен»*, — отвечал Крейц и просил только о том, чтобы, в случае потери отряда, не обвиняли его в том напрасно.

Неприятель повел атаку на войска, занимавшие лес, опрокинул их к городу и оттеснил к реке Крейца, который, будучи окружен со всех сторон, кинулся с своими драгунами и казаками в реку, перешел через нее вброд и перетащил по дну реки свои два орудия. Между тем неприятель, уже успев перейти по мосту вслед за войсками Коновницына, снова преградил путь Крейцову от-

ряду. Тогда Крейц кинулся полями, ломая разделявшие их заборы, ушел от неприятельской конницы и, подойдя к селению (Машкову?), расположил для отдыха в нем Иркутских драгун, а казачий полк скрыл в лощине. Неприятельская кавалерия, приблизившись к селению, была неожиданно атакована с фронта драгунами, а с фланга казаками, и обращена в бегство, с потерей одними пленными около пятисот человек, в числе которых было несколько офицеров.

Наполеон, прибыв в Гжатск 20 августа (1 сентября нового стиля), получил там от Мюрата известие о приезде нового главнокомандующего в русскую армию. Это обстоятельство снова возбудило в нем надежду вступить в решительный бой, и на сей раз он не ошибся в своем заключении. Готовясь сразиться с главными нашими силами и желая дать отдых расстроенным войскам Большой армии, Наполеон приостановил движение своего авангарда, расположил корпуса Нея и Даву кругом города, занятого гвардией, сблизил к большой дороге вице-короля и Понятовского и приказал Жюно, остававшемуся в Дорогобуже, присоединиться к армии. На следующий день, 21-го августа (2-го сентября), посланы предписания всем корпусным командирам дать дневку войскам, собрать отсталых и донести о наличном числе людей, вместе с тем было приказано сделать инспекторский смотр всем частям войск и объявить солдатам, чтобы они готовились к генеральному сражению.

«Необходимо, — писал Наполеон к Бертье, — чтобы не позже десяти часов вечера доставлены были мне ведомости: о числе людей, орудий, зарядов и патронов, о числе лазаретных фур, лекарей и перевязок, которые могут они сделать. В этих ведомостях должно быть также показано число людей, находящихся в отлучке от своих частей и не могущих принять участие в сражении, ежели оно будет дано завтра, а равно — успеют ли они присоединиться к войскам, ежели отложим дело дня на два или на три. Эти сведения должны быть составлены со всевозможною точностью, потому что от них будут зависеть мои распоряжения... Прикажите также донести мне о числе расквашенных лошадей и о времени, нужном для ихковки...»

В приказе по армии, отданном того же числа, Наполеон предписал: во-первых, чтобы частные экипажи, фургоны и провиантские фуры следовали позади артиллерии и лазаретных фур, во-вторых, чтобы всякая частная повозка, затрудняющая движение артиллерии либо лазаретных фур, была предаваема пламени,

в-третьих, чтобы за авангардом непосредственно следовали только артиллерия и походные госпитали, а все прочие обозы двигались не ближе восьми верст (*deux lieues*) от авангарда. К ночи же частные обозы могли присоединяться к авангарду, но не прежде, как по окончании канонады или перестрелки, в-четвертых, чтобы обозы не располагались для отдыха на большой дороге, и проч.

Наблюдение за точным исполнением всех этих приказаний было поручено начальнику штаба войск авангарда, генералу графу Бельяру, и, кроме того, объявлено, что император 3 сентября прикажет сжечь в своем присутствии все повозки, которые нарушат предписанные правила.

2-го же сентября нового стиля Наполеон, напоминая своему начальнику штаба приказ о порядке следования обозов, писал: *«Прошу вас, чтобы не довелось мне жечь первыми обозы главного штаба. Нельзя представить себе большего беспорядка (il est impossible de voir un plus mauvais ordre que celui qui regne)»*.

Исполнение строгих предписаний Наполеона было невозможно, потому что все начальники войск старались не упускать из вида как собственные свои повозки, так и провиантские фуры. Наполеон для примера приказал сжечь при себе два экипажа, принадлежавшие чиновникам его главного штаба (из числа коих один графа Нарбонна), но впоследствии все оставалось по-прежнему.

Имея в виду присоединить к армии отсталых, добыть сколько-нибудь провианта и фуража и дать время оправиться войскам, в особенности же кавалерии и артиллерии, Наполеон дал еще день отдыха своей армии, 22 августа (3 сентября), и даже, по уверению французских писателей, намерен был совершенно прекратить наступление. В продолжение трех дней, проведенных им в Гжатске, постоянное ненастье совершенно испортило все дороги, сырые, холодные бивуаки оказали вредное влияние на здоровье людей, лошади гибли тысячами от усталости и голода.

Наполеон, выведенный из терпения бедствиями войск, изъявил свое неудовольствие Нею, корпус которого, принужденный жить грабежом, терял множество людей и заметно таял. Получив незаслуженный выговор и не находя возможности помочь делу, пылкий Ней написал в ответ, что невозможно было идти далее, не подвергнув армии гибели. Мюрат доносил то же самое. Бертье, накануне оскорбленный Наполеоном за откровенное выражение мыслей о походе в Россию, подтверждал мнение своих

товарищей угрюмым молчанием, а Даву отказывался поддерживать Мюрата «из опасения расстроить пехоту так, как уже была расстроена кавалерия».

Наполеон, склоняясь на убеждения надежнейших своих сподвижников, отвечал им: «Ну, делать нечего! Если завтра погода не переменится, то мы не пойдем далее».

Довольно трудно поверить тому, что все последующие действия Наполеона зависели от одного ясного утра, но, как бы ни было, на следующий день 23 августа (4 сентября нового стиля) взошло солнце во всем блеске своем, и Наполеон, надеясь, что дороги могли просохнуть в несколько часов, приказал Мюрату и Даву выступить в полдень к Гридневу, а всем прочим войскам следовать за движением авангарда.

Между тем русские армии, усилясь пятнадцатью тысячами человек, приведенных генералом Милорадовичем, отступили 20 августа (1 сентября нового стиля) к Дурыкину, 21-го к Колоцкому монастырю, а 22-го — к селу Бородину, где присоединились к нашим войскам два ополчения: Московское, в числе 7-ми тысяч человек, под начальством генерала Маркова, и Смоленское, силою до 3-х тысяч, приведенное генералом Лебедевым. Как прочие наши подкрепления были еще весьма далеко от армии, то Кутузов решился принять сражение на позиции у Бородина, избранной генералом Вистицким (а по свидетельству Бернгарди, Генерального штаба подполковником Гартингом) и одобренной Беннигсеном.

На этой позиции мы остановились единственно потому, что не было лучшей до самой Москвы. Вообще в России весьма редко встречаются хорошие оборонительные позиции. Там, где остались еще обширные болота, могущие служить прикрытием для фронта и флангов армии, страна так лесиста, что трудно найти пространство, достаточное для расположения значительных сил; в местах открытых и плоских нет никаких преград, которые могли бы послужить к задержанию неприятеля; селения, в коих дома построены из дерева и покрыты соломой, не представляют средств к упорной обороне.

Отступление русских войск, на пространстве около трехсот верст, от Смоленска к Бородину, представляет один из замечательнейших примеров сохранения в войсках порядка и дисциплины. Неприятелю не удалось захватить ни отсталых, ни одной повозки из наших обозов. Главные силы армий не были изнуряемы утомительными маршами благодаря искусным действиям

нашего аррьергарда, который отходил шаг за шагом, замедляя движение неприятельского авангарда. По словам самого Коновницына, везде, где только встречались равнины, встречала неприятеля наша кавалерия, построенная в шахматном порядке, между тем как в тылу ее, на высотах, располагались батареи — так, чтобы они могли удобно оборонять впереди лежащее пространство перекрестными выстрелами, а в лесах устраивались засады из пехоты.

К вечеру 22 августа (3 сентября н. ст.) русский аррьергард отошел на позицию у Гриднева, в пятнадцати верстах впереди главных сил Кутузова. На следующий день пополудни Мюрат с большей частью резервной кавалерии и с пехотной дивизией Компана, подойдя к Гридневу, атаковал Коновницына, усиленного 1-м кавалерийским корпусом. Войска нашего аррьергарда, в котором находилась тогда почти вся кавалерия Первой армии, состояли из 25 баталионов и 96 эскадронов. После жаркого дела, продолжавшегося несколько часов, Коновницын, уже ввечеру, получив известие от высланных им по сторонам казаков о движении в обход его правого фланга корпуса вице-короля на Лусось, отошел в ночи с 23-го на 24-е к Колоцкому монастырю. В то же самое время главные силы неприятельской армии (корпуса Даву, Нея, гвардия и Жюно) расположились между Гридневым и Гжатском.

24 августа (5 сентября н. ст.) в шесть часов утра французы двинулись от Гриднева к Колоцкому монастырю. Авангард Мюрата в три часа пополудни атаковал войска Коновницына, расположенные впереди Колоцкого монастыря; аррьергард наш удерживал неприятеля весьма успешно, в особенности же отличился Изюмский гусарский полк, который, с содействием казаков, изрубил три неприятельских эскадрона 3-го Итальянского конноегерского полка. Но когда вице-король снова обошел нас с правого фланга, Коновницын принужден был отвести вверенные ему войска за реку Колочу, где они присоединились к корпусам, стоявшим на позиции. В числе убитых был генерал Краснов.

Между тем авангард Мюрата, поддержанный главными силами Большой армии, оставив преследование нашего аррьергарда, перешел через Колочу у Фомкина и Валуева и обратился вправо к Шевардину, где впереди главной нашей позиции стояли на высотах войска, отряженные Кутузовым, под начальством генерал-лейтенанта князя Горчакова 2-го. Наполеон, желая немедленно овладеть этою передовою позициею, направил против нее

часть корпуса Даву (три дивизии) и резервную кавалерию Мюрата и приказал одновременно с тем корпусу Понятовского, наступавшему на село Ельню по старой Смоленской дороге, обойти Шевардинскую позицию с левого фланга. Между тем вице-король со своим корпусом двигался левее главных сил неприятельской армии на селение Большие Сады.

Следствием наступления Наполеоновых войск против позиции князя Горчакова стало сражение при Шевардине. Но как это дело было началом Бородинской битвы, то, прежде нежели приступим к его изложению, опишем местность, занятую нашими армиями, и расположение на ней войск Кутузова.

Комментарии

¹ В 1774 и 1788 годах Кутузов был ранен пулями: одна, ударив в левый висок, вылетела у правого глаза, другая, попав в щеку, вышла в затылок. (*Прим. авт.*)

² Кутузов имел привычку употреблять в разговор слова в уменьшительном виде. (*Прим. авт.*)

³ То есть 9-го корпуса с присоединенными к нему отрядами. (*Прим. авт.*)

⁴ О происхождении Барклая см. вступление к Приложению VI. (*Прим. ред.*)

⁵ Судя по всему, Барклай не зря отстранил Беннигсена — и, видимо, возвращение его к штабу было ошибкой Кутузова. Известно, что Беннигсен (кроме прочего, один из участников убийства Павла I) выступал против сдачи Москвы и писал на Кутузова доносы императору — в частности, о том, что фельдмаршал много спит, и вдобавок не один. Александр перенаправил этот донос в военное министерство, где генерал Кнорринг наложил на него резолюцию: «*Румянцев в свое время возил их по четыре. Это не наше дело. А что спит, то пусть спит. Каждый час этого старца неумолимо приближает нас к победе*». В этом месте нельзя не вспомнить хрестоматийную фразу Сталина, сказанную в ответ на донос о том, что генерал М. М. Попов и на фронте чересчур увлекается прекрасным полом: «*Что делать будем? Завидовать будем!*» В конце концов Кутузов в ноябре 1812 года отставил Беннигсена от работы, и тот, обиженный, удалился в свое поместье. Но, обласканный Александром, в следующем 1813 году Л.П. Беннигсен был назначен командующим формируемой Польской армии, участвовал с ней в «Битве народов» при Лейпциге, получил графское достоинство и Георгия 1-й степени.

В 1818 году вышел в отставку и уехал в родной Ганновер, так за всю жизнь и не выучив русского языка. *(Прим. ред.)*

⁶ Генерал Михайловский-Данилевский говорит об этом случае как о несомненном событии, случившемся в минуту первого появления Кутузова перед войсками у Царево-Займища, а в «Записке о войне 1812 года», князя А. Б. Голицына, бывшего на бессменных ординарцах при Кутузове, полет орла над Главкомандующим отнесен к другому времени. *«Когда в первый раз, — говорит князь Голицын, — Кутузов обозревал позицию под Бородиным — это было после обеда — исполинский орел парил над ним. Куда он, туда и орел. Анштет первый это заметил, и толкам не было конца».* *(Прим. авт.)*

⁷ В этом месте Богданович дает ссылку на строевой рапорт о состоянии войск Западных армий при донесении князя Кутузова Государю от 19 августа — ср. с комментариями о численности войск к Приложению I. *(Прим. ред.)*

⁸ То есть в современной терминологии — начальником оперативного отдела при штабе объединенных армий. *(Прим. ред.)*